

О.Е.Горбацевич (Минск, БГПУ)

СОЦИАЛЬНО ОГРАНИЧЕННАЯ ЛЕКСИКА В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Слияние различных говоров, жаргонов и стилей речи в городе неизбежно порождает различные типы обиходной речи, т.е. речи, предназначенной для повседневного общения в неофициальной обстановке. В основе этой речи лежит литературный язык, но язык трансформированный, пригодный только для устного общения. Он уже далёк от собственно литературного языка, причём, можно выделить определённую степень отдалённости от базового литературного языка. В.В.Колесов отмечает, что «разновидности устной речи в порядке удаления от литературной нормы таковы: разговорный вариант литературного языка (обычно речь интеллигенции) — просторечие — фамильярности — вульгаризмы — совершенно неприемлемый жаргон» (2-15). Стилистическая маркировка каждого конкретного слова постоянно изменяется, что указывает на постоянное изменение и развитие норм литературного языка. Трансформация стилистической окраски слова, его вхождение или невхождение в структуру литературного языка зависит от важности и распространённости слова в языке, частотности его употребления, от субъективного отношения к нему людей. Строго очерченных стилистических границ между словами нет, так как все они входят в систему русского языка. Так, в «Словаре Академии Российской», например, не были маркированы как стилистически ограниченные слова *паршивый, роза, одуреть*. Они были в живом употреблении и не осознавались носителями языка как грубые, просторечные, так как обозначали вполне естественные предметы, признаки и действия. И только в XIX в. отношение к этим словам изменилось в силу изменения отношения человека к открытому проявлению некоторых естественных чувств и ощущений. Однако, по наблюдениям В.В.Колесова, в том же словаре слова *быт, жадный, огласка* имеют помету «просторечное», хотя современным языком воспринимаются как литературные и не имеют никаких стилистических ограничений.

Перед нами две противоборствующие тенденции дифференциации и интеграции литературного языка: растущие и расширяющиеся нужды общения требуют закрепления за соответствующими сферами своих языковых средств, а интересы нации требуют единства. Если бы тенденция к дифференциации не противостояла тенденции к интеграции, произошёл бы распад литературного языка (3-23).

В разговорной речи городского населения прежде всего выделяется такой лексический пласт как просторечие. Традиционное для русистики понятие «просторечие» отличается неопределённостью и размытостью содержания, что объясняется особым местом просторечия в социальном пространстве между литературным языком, его разговорной разновидностью и социальными и

территориальными диалектами. Современное языкознание выделяет две разновидности просторечия — социальное и функционально-стилистическое (6-192).

Социальное просторечие — это разговорная речь так называемых простых людей, характерная для малообразованных слоёв населения. В современной языковой ситуации понятие «речь простых людей» относительно и составляет лишь «нижний слой» просторечия, граничащий с социальными и территориальными диалектами (1-7). Этот слой просторечия принято называть «внелитературным просторечием» (5-11). Единицам внелитературного просторечия всегда противопоставляются нормированные слова литературного языка: *красивее* — *красивее*, *завидно* — *завидно*; *сапогов* — *сапог*, *инженера* — *инженеры*; *обратно поругаться* — *опять поругаться*, *культурное обращение* — *вежливое обращение*; *всё путём* — *всё хорошо*, *с дуба упасть* — *сойти с ума*. Элементы внелитературного просторечия присутствуют на всех уровнях языка. Социальное просторечие не имеет стилистической дифференциации, книжной письменной формы, оно всегда ориентировано на спонтанную бытовую речь определённого социального слоя.

Социальному просторечию противопоставляется функционально-стилистическое просторечие, которое фиксируется только на лексико-фразеологическом уровне. По мнению В.В.Химика, «функционально-стилистические просторечия вполне могут укладываться в рамки грамматического или произносительного стандарта, вступая в противоречия только со стилистическими или этическими эталонами. Функционально-стилистическое просторечие составляет особый лексикон, субстандартный лексико-фразеологический континуум» (6-193).

Функционально-стилистическое просторечие, в свою очередь, тоже не однородно, а состоит из нескольких слоёв: 1) традиционные разговорно-просторечные экспрессивы — экспрессивная лексика и фразеология, граничащая с разговорной разновидностью литературного языка, — разговорно-просторечная лексика (эта лексика фиксируется нормативными словарями, но имеет особые стилистические пометы: прост., фам., неодобр., пренебр. и т.п.): *брехать* (прост.), *харя* (груб.прост.), *жрать* (о человеке — прост., пренебр.), *иллюха* (груб. прост.), *баба* (о женщине обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярности), *заныкать* (прост.); 2) табуированные экспрессивы обценной природы — экспрессивная лексика, имеющая кроме языковых нормативных ограничений ещё и жёсткие этические запреты на употребление. В.В.Химик выделяет две группы обценной лексики: скатологическую (от греч. *skatos* — кал) лексику в её прямых значениях и традиционную лексику маргинального и высокоэкспрессивного потенциала, так называемый русский мат; главная особенность данных языковых единиц заключается в том, что «такого рода обценная лексика использует табуированные корни для передачи совершенно необценных значений, т.е. не в

прямом сексуальном смысле, а в самых разнообразных переносах, из которых далеко не все являются бранными в прямом смысле слов» (6-194). Табуирование таких единиц обусловлено не только этической и лингвистической ненормативностью, но и правовыми нормами, особенно когда это касается публичной брани; 3) разговорно-просторечные единицы жаргонного происхождения — эмоционально окрашенная лексика, представляющая собой новообразования, которые приобретают статус общеупотребительных слов. Данный слой просторечной лексики ещё называют «молодым просторечием», он наиболее многочислен и нестабилен по составу: *поддавать (пьянствовать), выпендриваться (показывать себя или не соглашаться), мандражировать (волноваться), обалдеть (очень удивиться), заткнуться (замолчать); с прибабахом (со странностями в поведении), вешать лапшу на уши (обманывать), катить бочку (наговаривать, ругать)*. По мнению многих лингвистов, это общеупотребительный сленг, т.е. лексико-фразеологические единицы, имевшие жаргонное происхождение, но утратившие социально-групповую или социально-профессиональную зависимость. Проникновение этих единиц в общенациональный язык — явление универсальное, об этом говорил ещё Б.А.Ларин, отмечавший, что этому способствуют разнообразные факторы: развитие средств сообщения, миграция населения, скопление людей в городах, средства массовой информации, всеобщая воинская повинность, а сейчас ещё добавляется Интернет, попкультура. Преимущество этого слоя просторечия в том, что, обладая высокой экспрессивностью, эмоциональностью, оценочностью, он не ограничен эстетически, морально или законодательно и поэтому особо привлекателен для представителей многих социальных групп населения содержащимися в подобных словах соразностью, новизной, отстраненностью от жёстких языковых норм. Подобные слова постоянно пополняют разговорную лексику, которая, при благоприятных условиях, создаёт возможность проникновения слов в литературный язык. Так произошло со словами *крутой, беспредел, бомж, тусовка* и др.

Носителями просторечия являются разные социальные группы городского населения. Здесь важно отметить, что типы просторечия непосредственно связаны с социальным составом его носителей. Носителями внелитературного, ненормативного просторечия являются люди, имеющие «низкий» социальный статус, они не могут говорить иначе, перед ними не стоит выбор, как говорить: они говорят «как умеют». Носителями функционально-стилистического просторечия являются люди, владеющие нормами литературного языка, они осознают факт отступления от нормы и при этом преследуют определённые коммуникативные цели. Такое явление называют диглоссией — владение разными коммуникативными подсистемами (языками, диалектами, стилями) в зависимости от социального распределения функций общения.

При изучении городской речи носителей литературного языка социальное просторечие малоинтересно, так как оно является свидетельством недостаточного владения лингвистическими нормами и показателем уровня образованности человека. Наибольший интерес представляет функционально-стилистическое просторечие, функционирующее и проявляющееся в полной мере в речи людей образованных, хорошо знающих, как нужно говорить правильно. Почему же такие носители языка довольно часто обращаются к просторечию? Возможно, нормированный и кодифицированный язык не всегда удовлетворяет говорящего? Здесь проявляет себя специфика устной речи, где важна не только передача информации, но и выражение отношения к ней говорящего, где оказывают влияние экстралингвистические факторы, как-то: психологическое состояние говорящего и слушающего, отношение к собеседнику, соотношение культурного уровня собеседников, — а также лингвистические факторы: желание сделать речь более экспрессивной и эмоциональной за счёт ненормативных единиц языка. Показательна в этом отношении авторская речь художественного повествования, когда писатель имеет намерение показать свою тесную связь с персонажами произведений. Так, например, в педагогических произведениях А.С.Макаренко, человека высокообразованного и владеющего литературными нормами, довольно часто фигурирует просторечие как средство показа особой атмосферы единения воспитателя и его подопечных: *Сыщик понял, что сморозил вопиющую глупость, и замолчал; Ребята буквально обалдели; Наконец-то я дорвался до настоящего зла; Волохов ухмыльнулся, но Задоров подошёл ко мне с самой серьёзной рожей.* Очень часто писатели намеренно используют просторечие в авторской речи для того, чтобы показать близость к читателю, чтобы создать благоприятную атмосферу для восприятия сложных явлений. Например, у А.С.Макаренко: *Теперь мальчик свободен, он чувствует себя гражданином, он настолько доверяет всей нашей жизни, что прётся куда попало. Он действительно нигде не пропадёт; Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатиям, но если вы блестяте работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне, и они не выдадут.* Довольно часто просторечная лексика и фразеология являются приёмом создания комического эффекта, при этом комизм создаётся несоответствием между объективным характером авторского повествования и словами, имеющими ярко выраженный оценочный и экспрессивный характер: *У нас не осталось ни одной плевательницы. Эти «верблюды» мучились два дня. Кое-кто плевал, их хорошенько взрели. И плевать перестали; Создалась такая традиция: потом, на другой день, тот, о ком он докладывал, может сказать, что дежурный «набрехал», но так, чтобы я не услышал, ибо за такие разговоры я отправлял*

под арест; Да, крыть было нечем; Я был уже готов к тому, что колонию «прихлопнут».

Важнейшим коммуникативным мотивом обращения к просторечию является необходимость в эффективной номинации. А наиболее эффективна всегда обновлённая номинация, выходящая за рамки привычной. Обновление номинаций является важнейшим условием развития языка. Первоначально такое слово имеет явно сниженный стилистический оттенок, но постепенно он становится всё менее заметен, и вполне возможно, что при частотном употреблении единица в ближайшем времени окажется составляющей разговорной формы литературного языка. Так происходит, например, со словами *разборка, гаишник, контрактник, челнок, халява*. Довольно распространены в современном языке универбаты и синтаксические стяжения, которые по-новому называют хорошо известные предметы и явления: *конкретика* — конкретные факты, *извращенец* — тот, кто имеет болезненное отклонение от естественной нормы, *минималка* — минимальная заработная плата, *аморалка* — аморальный поступок. Новые слова дают более лаконичные и простые названия давно существующим понятиям, поэтому они предпочтительны в разговорной речи.

Довольно часто в определённой социальной среде (например, молодёжной) возникают новые понятия, не имеющие аналогов в официальной культуре, поэтому возникает необходимость в номинации. В ряде случаев это слова с яркой жаргонной или жаргонно-просторечной окраской. Например, *понса, порнуха, фарцовщик, заначка и др.*

Просторечные номинации вступают в отношения синонимии со словами литературного языка, образуя их функционально-стилистические варианты: *заснуть* — *вырубиться*, *работать* — *вкалывать*, *влюбиться* — *втюриться*, *ударить* — *вмазать*. В ряде случаев слово-синоним не только приобретает особый стилистический оттенок, но и частично изменяет денотативное значение. Например, слова *вырубиться, вкалывать, вмазать* имеют несколько суженное значение по сравнению со словами *заснуть, работать, ударить*: *вырубиться* — *заснуть после употребления спиртного*; *вкалывать* — *работать много*; *вмазать* — *ударить сильно*. Глагол *вмазать* параллельно приобретает ещё одно просторечное значение — *хорошенько выпить*, происходит расширение значения.

По мнению современных лингвистов, обращение к просторечию обусловлено целым рядом обстоятельств: стремлением к языковой экономии, рационализации выражения смысла, необходимостью номинации новых понятий, а также использованием эффекта от сужения или расширения семантического объёма литературного слова в ненормативной языковой единице.

Таким образом, просторечие не только социолингвистическая, но и функционально-стилистическая категория. Использование просторечных

единиц в разговорной речи связано прежде всего с вопросами культуры речи, умением выбирать уместные единицы языка в зависимости от обстоятельств и задач общения. Культура языкового общения связана с выбором и чувством меры. Такие специфические свойства просторечного лексикона, как снижение, отчётливая образность и эмоциональность номинаций, резкая агрессивность, акцентированная брутальность и вульгарность делают этот регистр речевого общения сильным, а потому в ряде случаев и опасным не только для культуры языка, но и для всей культуры в целом (6-239).

Литература

1. Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка /В кн.: Язык и общество. Межвуз. науч. сборник/. Саратов, 1974. С.3-23.
2. Колесов В.В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.
3. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. М., 1999.
4. Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8 томах. Т.3. М., 1983.
5. Филин Ф.П. О структуре современного русского языка / Вопросы языкознания. 1973. №2. С.3-13.
6. Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.